

1. СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ПЛАН СТАТЬИ ПУШКИНА О РУССКИХ ПЕСНЯХ

1.

Фольклоризму Пушкина посвящено немало работ. Они касаются разных моментов в фольклористических интересах поэта: записей им народных песен и сказок, переводов русских песен на французский язык, использования их в художественном творчестве и т. д.

Но во всех этих работах почти совершенно не нашел отражения пушкинский черновой набросок плана статьи о русских песнях, который крайне важен для понимания взглядов Пушкина на устное народное творчество и свидетельствует о его глубоких, всесторонних знаниях народной песни.

План статьи о русских песнях известен в черновом наброске. Впервые он напечатан в 1922 году в сборнике «Неизданный Пушкин»¹. План не имел ни заголовка, ни даты, большая часть слов в нем была не дописана и с трудом поддавалась разбору.

Первым публикатором и комментатором этого наброска явился Н. К. Козмин. Он назвал его «Планом статьи о русской литературе с очерком французской» и датировал 1830 г. Н. К. Козмин не сумел разобрать текста наброска, не прочитал его до конца, и потому понял его неверно. В 1929 г. Н. К. Козмин повторил свою публикацию, включив ее (с теми же ошибками, под тем же заголовком) в академическое издание сочинений Пушкина². План занял место в ряду других набросков Пушкина по истории русской литературы, над которыми он работал в 1833—1835 гг.

В 1925 г. в книге Б. В. Томашевского «Пушкин и современные проблемы его изучения» опубликованы те строки плана, ко-

---

¹ Неизданный Пушкин, Собрание А. Ф. Онегина, Труды Пушкинского Дома при Академии наук, П, изд. «Атеней», 1922 г., стр. 183, ср. издание 2-е, М.—Л. 1923, стр. 183.

² Полное собрание сочинений Пушкина, Изд. Академии наук, т. XI, кн. 2, 1929, стр. 617.

торые опущены в публикациях Н. К. Козмина. Однако Б. В. Томашевский не связал эти строки с предыдущей частью плана и квалифицировал их как «неразборчивую программу», найденную им среди черновиков «Путешествия Онегина». От истолкования неясных строк он отказался.

Публикация Б. В. Томашевского не была учтена в первом критическом воспроизведении той части плана, которую привел Н. К. Козмин. Мы имеем в виду первое советское Полное собрание сочинений Пушкина, выпущенное в 1930 г.¹ Это была первая публикация, которая давала научно-обоснованное понимание пушкинского плана. Расшифровка текста плана принадлежала Ю. Г. Оксману. Он назвал этот набросок «Планом издания русских исторических песен и статьи о них» и датировал его 1831—1832 гг.

С этого времени и в этом чтении план в части, относящейся к историческим народным песням, повторялся во всех полных собраниях сочинений Пушкина (публикации рознились только в деталях транскрипции).

В 1935 г. в сборнике «Рукою Пушкина» (Труды Пушкинской комиссии Института русской литературы Академии наук СССР) пушкинский план появился в полном своем виде, с учетом публикации, не понятой в свое время Б. В. Томашевским. Новая транскрипция плана принадлежала Л. Б. Модзалевскому. Этот план в своей первой (большей) части посвящен песням историческим; в другой (меньшей) части — песням лирическим. М. А. Цявловский, комментатор всего отдела записей народных сказок и песен в сборнике «Рукою Пушкина», признает этот план «вступлением» к сборнику песен, т. е. статьей к неосуществленному изданию песен. Тем не менее пушкинский план, вошедший потом в полном своем виде в 6-томное Полное собрание сочинений поэта, изд. «Academia», 1936 г., и 9-томное Полное собрание сочинений, изд. «Academia», 1937 г., имел все то же ошибочное название: «План издания русских песен и статьи о них» (стр. 353 и 215). М. А. Цявловский изменил и датировку плана с 1831—1832 гг. на 1832—1833 гг.²

Последним воспроизведением интересующего нас плана является его текст в Полном собрании сочинений Пушкина, изд. Академии наук, 1949 г., т. XII, стр. 208—209³. Приводим план по этому изданию.

Вступление

Но есть одно в основ[ании]

Оригинальность отрицатель[ных] сравнений]

¹ А. Пушкин, т. V, кн. 11, Приложение к журналу «Красная Нива» на 1930 год, Госиздат, стр. 357, Повторено в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина, Общая ред. Д. Бедного, А. В. Луначарского, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Шеголева, 1933, ч. V, кн. 1, стр. 759.

² «Рукою Пушкина», М.—Л. 1935, стр. 437.

³ В этой транскрипции план повторен в сб. «Пушкин-критик Составление и примечания Н. В. Богословского, М. 1950, стр. 532.

Истор[ические] песни
 О Ив[ане Грозном]
 О Мас[трюке]
 О Ст. Раз[ине]
 О Цыклере
 О Петре.
 О Шерем[етеве]
 О Менши[кове]
 Казац[кие]
 Далее про Фермора
     про Суво[рова]
 Новейшее влияние. Мера, рифмы
 Сумарок[ова] [нрзб]¹
 Свадьба.
 Семейственные причины элегическ[ого] их тона
 Лестница чувств.

Этот текст в академическом издании датируется 1831 годом. В разделе «Другие редакции и варианты» приводятся две зачеркнутые строки этого плана.

1а Не историч. о Раз[ине]

б. Не историч. кроме неск[ольких] пес[ен] о Раз[ине].

Эти две строки в рукописи Пушкина находятся с правой стороны общего чернового наброска плана, очевидно представляя одно предложение. Поэт зачеркнул их. Точной расшифровке они не поддаются. В содержании их бесспорно только то, что они касаются не исторических песен о Разине (в академическом издании чтение этих строк является в значительной степени произвольным).

План свидетельствует о том, что Пушкин считал песни о Разине — песнями историческими. Поэтому он включил их в свой перечень исторических песен, на которых предполагал остановиться в статье. В то же время поэт разделял эти народные песни на исторические (как это видно из плана) и не исторические (что нашло отражение в дополнительных, хотя и зачеркнутых строках). Позднее это подтвердилось известными исследованиями А. Н. Лозановой. Таким образом, строки о неисторических разинских песнях являются не «первоначальным вариантом» плана, а уточнением одного из пунктов его — именно пункта, касающегося песен о Степане Разине².

Надо сказать, что если квалификация пушкинского наброска в последнем академическом издании как «Плана статьи о русских песнях» не вызывает сомнения в правильности, то транскрипция и датировка должны быть проверены.

Мы уже указывали, что транскрипция плана в разных изданиях Пушкина не одинакова. Однако и новое академическое изда-

¹ Ю. Г. Оксман расшифровывает это неразборчивое слово, как обычное пушкинское сокращение: «етс».

² Да и зачем Пушкину нужно было начинать перечень исторических песен, свидетельствующий о его взгляде на песню в её развитии, изменении, с песен о Разине да ещё не исторических?

ние в этом отношении не разрешает сомнений в правильности ее Сравнение различных публикаций плана заняло бы слишком много места, да оно ничего и не даст: неодинаковая конъектура наброска поэта в разных изданиях не меняет ничего в его содержании. Но на последней публикации плана в Полном собрании сочинений Пушкина в издании Академии наук следует остановиться. От этого издания можно было ожидать большей точности Не понятно, на каком основании в третьей строке наброска «Оригинальность отрицатель[ных сравнений]» угловая скобка ставится не там, где она требуется по рукописи, и не там, где дана в других изданиях? В большинстве публикаций пушкинского плана второе слово третьей строки обрывалось на «отрица». Отсюда строка дочитывалась то как «отрица[ния]», то как «отрица[ется]» Мы познакомились с подлинной рукописью наброска поэта в Пушкинском доме в Ленинграде Рукопись дает возможность утверждать, что обрывок данного слова представлен в виде «отрицат» На основании этого можно считать, что чтение слова, предложенное М. К. Азадовским, отвечая его графике и содержанию плана, наиболее правильно.

М. К. Азадовский таким образом прочитал третью строку: «оригинальность отрица[тельного сравнения]»¹. Но, несмотря на правильность такого чтения, перенос скобок в академическом издании представляется нам ничем не оправданным. Что же касается датировки плана, данной в этом издании, то ее нужно было бы объяснить, проверив правомерность всех других Как мы видели, она не одинакова в разных изданиях. колеблется от 1830 до 1833 г

Датировка 1830—1831 гг. вызывает сомнение Она основана на том, что план написан на листке с набросками «Путешествия Онегина», датированными 1830 г Но Пушкин мог воспользоваться этим листком и спустя несколько лет для черновика плана. Переписка С. А. Соболевского с С. П. Шевыревым, П. В. Киреевского с Н. М. Языковым и последнего с братом говорит о другом.

15 декабря 1831 г. С. А. Соболевский писал С. П. Шевыреву из Турина: «Я же и до отъезда [из Петербурга за границу в первые числа ноября 1828 г.] задумал издать с Пушкиным «Собрание русских песен»² 16 декабря 1831 г. Н. М. Языков писал из Москвы брату: «Пушкин говорит, что он сличил все донныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку: но он, кажется, хвастает»³. О том, что Пушкин не «хвастал», свидетельствует его план, который мог возникнуть только в результате знакомства поэта с большим количеством песен и сличения их Раньше сличения печатных текстов у Пушкина никак не могло появиться

¹ М. К. Азадовский, Литература и фольклор, Л 1938, стр. 37

² «Рукоя Пушкина», ред. М. А. Цявловской, стр. 433

³ Там же

такого полного представления об этапах развития исторической песни, какое отражено в его плане статьи.

12 октября 1832 г. П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен, как можно скорее, издавать русские песни, которых у него собрано довольно много»¹.

Пушкин был отвлечен другой работой и передал свое собрание песен П. В. Киреевскому. Передача состоялась, видимо, в 1833 г., когда Пушкин отправился в Оренбург².

В 1833 г. С. А. Соболевский, Пушкин и Киреевский при встрече решили приступить к изданию сборника песен и распределили обязанности: Соболевский взял на себя хлопоты по издательской части, «а Пушкин, надо думать, обещал Киреевскому написать предисловие к его собранию песен»³.

На основании этого едва ли можно датировать план временем ранее 1833 г., раньше встречи Пушкина с Киреевским и передачи ему собрания песен. М. А. Цявловский в сборнике «Рукою Пушкина» указывает именно на эту датировку: «На основании ... истории передачи Пушкиным своих записей песен Киреевскому план этот нужно датировать 1833 годом. Вероятно, он был набросан в Болдине в октябре этого года»⁴.

Что же касается заголовка «План статьи о русских песнях», то он не вызывает сомнения. Это не план-перечень текстов исторических песен, хотя бы потому, что он далеко не охватывает всех циклов их, а также потому, что включает еще песни лирические и еще что-то в начале, что исследователями рассматривалось как намек на вводную статью к изданию. Этот набросок может быть только планом статьи о русских песнях в двух значительнейших их разделах, хорошо известных Пушкину: песен исторических и лирических.

В начальной части плана почти все настолько неясно, что о смысле первых трех строк, состоящих сплошь из незаконченных предложений и отрывков слов, можно говорить лишь предположительно.

Пушкинский план статьи о русских песнях — важнейший материал для понимания фольклорных интересов и взглядов поэта. Но он почти не вызвал внимания фольклористов. Между тем, их авторитетное мнение могло бы многое дать для комментирования плана. М. К. Азадовский, исследователь фольклоризма Пушкина,

¹ «Рукою Пушкина», ред. М. А. Цявловского, стр. 433

² Там же, стр. 435

³ Там же, стр. 435

⁴ В пользу этой датировки плана говорит и работа Пушкина над материалами о стрелецких бунтах, которая нашла отражение в плане и которая относится ко времени между 1832 и 1834 г., когда он подготавливал первую главу «Истории Петра Великого». См. «Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери» в «Путеводителе по Пушкину», Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 6 томах, М.—Л. 1931, т. VI, стр. 282

коснулся плана слегка: он ему понадобился для того, чтобы подтвердить знакомство поэта с «Песнями греков» в переводе Фориэля. На русский язык эти песни перевел Н. И. Гнедич. М. К. Азадовскому надо было доказать, что предисловие Гнедича к переводу повлияло на фольклористические взгляды Пушкина. Это позволило М. К. Азадовскому выдвинуть гипотезу о том, что книга Фориэля натолкнула Пушкина на мысль об издании русских песен¹. Гипотеза едва ли правомерна, и ей противоречит сам автор. Возможно, предисловие Гнедича к переводу книги Фориэля помогло М. К. Азадовскому прочитать правильно третью строку плана, поскольку у него явилась мысль о влиянии этого предисловия на Пушкина и на его занятия фольклором. Но Пушкин, конечно, и прежде знал об отрицательных сравнениях, свойственных русским народным песням. Правда, он их так нигде не называл, и, может быть, термин «отрицательные сравнения» появился действительно под влиянием предисловия Гнедича.

В 1821—1822 гг. Пушкин пишет поэму «Братья-разбойники». Начало ее свидетельствует о том, что поэт уже в те годы освоил этот прием устного народного творчества:

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.

В 1825 г Пушкин пишет три песни о Степане Разине, одна из которых начинается таким отрицательным сравнением:

Что не конский топ, не людская мольвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит..

Народные песни о Разине не знают таких сюжетов. Фабулы пушкинских произведений о Разине основаны на преданиях и легендах о народном герое, а не на песнях о нем. Однако, создавая эти песни, Пушкин пользовался народным складом, народным языком. Значит, он считал прием отрицательного сравнения свойственным народной поэзии, если использовал его, создавая на основе легенд о Разине песни в народном духе. Значит, Пушкин хорошо знал основные приемы композиции народных песен уже в 1825 году, и не только знал, но и применял их².

¹ М. К. Азадовский, Литература и фольклор, Л 1938, стр 36.

² А отрывок еще более ранний — «Черный ворон выбирал белую лебедушку» свидетельствует об учете Пушкиным еще в 1824 г. другого композиционного приема народного песнетворчества — психологического параллелизма. Следовательно, ко времени выхода в свет книги Фориэля (1825 г) Пушкин уже создавал произведения в стиле народной поэзии. Кроме того (и Азадовский останавливается на этом специально), Пушкин имел предшественников в своем взгляде на народную поэзию, на необходимость научного издания песен Востокова, Строева и др. В 1832 г. Н. А. Полевой объявил в «Московском Телеграфе» (№ 13) об издании русских песен. Он делил их по жанрам и обещал издать не только варианты, но и историческое и критическое исследование древней народной поэзии. Кажется, об этом начинании Полевого больше ничего и не известно.

Попытаемся расшифровать ту часть плана, которая посвящена историческим песням.

Пушкин, как никто в его время, был знаком с народной исторической песней. Трудно сказать, какое содержание вкладывал поэт в первую строку плана. В ней всего одно слово: «Вступление». Может быть, поэт, большой знаток и собиратель русской народной поэзии, думавший одно время о научном издании песен, имел в виду поговорить об избытке песен у русского народа, исторических и лирических, о красоте их, особенностях поэтики. Может быть, в основе их (основ[ании]) композиционного построения он усмотрел ряд поэтических приемов, один из которых назвал отрицательным сравнением; об оригинальности, необыкновенной поэтичности этого приема (в глазах поэта) говорит третья строка плана и его собственные стихотворные опыты, упоминаемые выше.

Первые три строки плана, как уже говорилось, наиболее гадательные. Нам кажется, что вторую и третью из них можно с полным правом отнести к обеим частям этого схематичнейшего из планов, то есть и к части, касающейся исторических песен, и ко второй, посвященной песням лирическим. Во всяком случае, в наиболее доступной расшифровке третья строка относится в наименьшей мере и к песням лирическим. Отрицательные сравнения в устной народной поэзии — не редкость. Они есть в ряде песен, собранных известным фольклористом М. Д. Чулковым. Кроме того, Пушкин сам записал одну лирическую песню, начинающуюся с отрицательного сравнения:

Не белинька березанька к земле клонится,
Не камыш трава в чистом поле расшаталась, —
Зашатался, загулялся добрый молодец.¹

В сборнике М. Д. Чулкова среди исторических песен в одной только песне о Б. Шереметеве (их упоминает в плане Пушкин) несколько отрицательных сравнений:

Не ясен сокол по поднебесью летает,
То боярин по полкам нашим гуляет,

Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговорит царев большой боярин

Не две грозные тучи на небе всходили,
Сражались два войска большие,
Московское войско со шведским,

Как не гром пред тучею грянул,
Троил-пушка разродилась,
У боярина сердце разъярилось;
Не сыра мать земля расступилась,

¹ «Рукою Пушкина», стр. 458.

Не сине море всколебалось;
Примыкали штыки на мушкеты ¹
или в песне-плаче о Разине:

Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику...²

И во многих других песнях, исторических и лирических, выступает, как прием, отрицательное сравнение.

3.

Пушкинский «План статьи о русских песнях», как отмечал М. А. Цявловский, «называет все главнейшие циклы их [исторических песен], начиная с песен об Иване Грозном и кончая солдатскими песнями про Суворова»³. На основании каких же источников Пушкин мог составить такое верное представление об этапах развития исторической песни? Как на источники, которыми пользовался Пушкин, с несомненностью указывают на Древнероссийские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, и Новиковский песенник 1780 г.⁴ Известно, что сборник К. Данилова находился в лицейской библиотеке и в личной библиотеке Пушкина⁵. По описанию библиотеки Пушкина, сделанному Б. Л. Модзалевским⁶, известно также, что у поэта имелись песенники А. Решетникова 1797—1798 гг., Шнора 1791 г., три части украинских народных песен М. А. Максимовича 1834 г., Собрание разных песен Чулкова, ч. 1, 1770 г. Был у Пушкина и Новиковский песенник⁷, и еще какой-то «Российский песенник», точного названия и года издания которого из-за небрежной опекунской записи установить не удалось.

Известно, что Пушкин, задумав научное издание народных песен, «сличил все донные напечатанные русские песни». Для этого, надо полагать, Пушкин просмотрел все известные ему «российские песенники» уже перечисленные, а также сборники Трутовского, Прача и другие. А таких песенников было много. Сахаров насчитывал до 126 изданий сборников русских песен за время с 1770 по 1838 г.⁸

Нам удалось познакомиться с одним из таких сборников «Новый полный всеобщий песенник, содержащий в себе собрание всех лучших и доселе известных употребительных и новей-

¹ М. Д. Чулков, Собрание разных песен, 1913, 1.

² Там же, № 134.

³ «Рукою Пушкина», стр. 437

⁴ «Рукою Пушкина», стр. 438

⁵ А. С. Пушкин (1826—1837) по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям кн. П. П. Вяземского, 1880, стр. 41—42

⁶ Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, СПб, 1910, стр. 22, 24, 61, 114.

⁷ Библиотека Пушкина, Новые материалы, Исследование Л. Модзалевского («Лит. наследство», № 16—18, 1934, стр. 1002). Ср. Академия наук СССР, Литературный Архив, т. 1, Л.—М. 1938, стр. 39.

⁸ И. П. Сахаров, Песни русского народа, СПб, 1838, ч. 1, стр. XI.

ших всякого рода песен, в 6 частях; с дополнением вышедших в 1816, 1817, 1818, 1819 гг., а также песен из новейших опер. .» и т. д., «в Санктпетербурге, в типографии Департамента Внешней торговли, 1820 г.» Этот песенник открывается стихотворением Мерзлякова «Среди долины ровные». В сборнике много песен народных: песня-плач о Петре I, о стрельцах и др. Есть в нем и песни чисто солдатские о Суворове и Кутузове. Таких сборников было немало; один из них, видимо, имелся и в библиотеке Пушкина. Песенники К. Данилова, Чулкова, Новикова, Прача, Шнора и более поздние, подобные названному песеннику 1820 года, рукописное собрание Киреевского и личные записи могли дать тот огромный материал, на основе которого великий поэт имел возможность представить весь путь развития исторической песни—от старой, близкой к бытине, к песне боевой солдатской. Не следует забывать, что Пушкин сам слышал песни от народа во время поездок по Донским степям с Раевскими, записывал песни в Михайловском, в Оренбургской губернии. Кроме того, Пушкин, который так интересовался сборником Киреевского и впоследствии дополнил его своими записями, не мог не познакомиться с ним. Как свидетельствуют записи Бартенева, «Пушкин с великой радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом»¹. Он хорошо знал «Малороссийские песни» Максимовича, а за ужином у Шевырева в 1836 г. «превосходно читал русские песни». О глубоком интересе Пушкина к народному творчеству, к отечественной истории свидетельствует и А. Мицкевич.

Пушкин был широко знаком с русской народной поэзией, причем источники этого знакомства далеко не ограничивались печатными сборниками. Что же касается сборников, то он их знал хорошо и пользовался песнями из них для эпитафий, вводил песни в тексты своих произведений², переводил их на французский язык для Леве-Веймара.

Особенно широко поэт пользовался песенником Новикова³. А С. Орлов убедительно доказал, что Пушкин использовал этот сборник в работе над «Капитанской дочкой»⁴. Песенник Новикова Пушкин купил еще в 1827 г.⁵ Как свидетельствует опись библиотеки, сделанная Б. Л. Модзалевским, поэт имел и «Собрание разных песен» Чулкова (по описи — первую часть «Собрания»).

Несомненно, что, работая над переводами русских народных песен на французский язык для Леве-Веймара, Пушкин пользо-

¹ П. И. Барте́нев, Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей, М 1925, стр. 52—53.

² А. С. Орлов, Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина,— «Художественный фольклор», 1927, вып II—III

³ Новое и полное собрание Российских песен В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова, 1780

⁴ А. С. Орлов, указанная работа

⁵ Академия наук СССР, Литературный Архив, т 1, Л—М 1938, стр 39

вался тем же песенником Новикова, из которого он черпал материалы и для «Капитанской дочки» и для «Бориса Годунова»¹.

Готовя научное издание русских народных песен, Пушкин не мог не знать всех песенников своего времени. Насколько он подготовил задуманное, насколько полно познакомился с русской песней и осмыслил ее содержание и форму (Пушкин — поэт и не мог пройти мимо последней), свидетельствует его черновой набросок плана статьи. Предельно схематичный план не вмещает всех вопросов, которые Пушкин поставил и несомненно разрешил бы в статье, предварающей издание. Эта статья явилась бы настоящим научным комментарием к изданию.

4.

При разборе плана статьи Пушкина о русских песнях необходимо, по возможности, учесть исторические воззрения поэта. Известно, какое важное место в творчестве поэта занимала историческая тема. Известно также, что Пушкин, вопреки взглядам господствующих классов, считал Пугачева и Разина подлинными народными героями. План статьи отражает важнейшие вехи не только в развитии исторической песни, но и значительнейшие этапы русской истории, которыми поэт интересовался и которые он отразил в своем художественном творчестве, прозаическом и стихотворном.

Расцвет исторической песни относится к XVI в., ко времени царствования Ивана IV. Пушкинский план впервые вводит в научный оборот термин «исторические песни». До сих пор было принято считать, что в первый раз его употребил П. А. Бессонов, когда подготавливал к изданию «Песни, собранные П. В. Киреевским»². План в части, касающейся собственно исторических песен, и начинается с песен о Грозном. До XVI в. известно всего две исторические песни: Авдотья-рязаночка и Щелкан Дудентьевич. Первую Пушкин не мог знать (по крайней мере по сборникам). Вторая есть в сборнике К. Данилова, но она, близкая к былинам, едва ли могла привлечь внимание Пушкина как историческая. Обе песни, полные былинных мотивов, по словам А. Астаховой, представляют «промежуточный жанр» между былинами и историческими песнями³. К эпохе Ивана IV относится интенсивное развитие исторической песни, сложение жанра исторической песни со всеми чертами, отличающими его от былинно-

---

¹ Данные о переводах Пушкиным народных песен на французский язык см. В. Архангельская, Источники русских народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык, «Литературное наследство», том 58, 1952, стр. 340—343.

² С. К. Шамбинаго, Исторические песни и сказки XVI в., История русской литературы, изд. Ак. наук, т. II ч. 1, 1945, стр. 471.

³ Северные исторические песни, Подготовка текста, статья и примечания А. Астаховой, Петрозаводск, 1947, стр. 7.

го. Не случайно фольклористы начинают историческую песню именно с XVI в.

Пушкин тоже начинает историческую песню с XVI в., со времени царствования Ивана IV. В то время, когда поэт разрабатывал план своей статьи, фольклористика лишь рождалась, а произведения народного творчества только начинали собирать. Одни лишь сборники Чулкова и Новикова не могли бы дать ему того представления об исторической и лирической песне, которое нашло отражение в плане. Пушкин знал все песенники своего времени, сличил их, знал собрание Киреевского еще в рукописи, сам собирал песни.

Мы все-таки по возможности выясним, какие из названных им песен были напечатаны тогда и где именно, хотя, повторяем, знакомство поэта с исторической песней было шире.

Об Иване Грозном Пушкин знал песни о взятии Казани¹ и о покушении царя на своего сына². Из цикла исторических песен эпохи Ивана IV он выделил в плане песни о Матрюке Темрюковиче³. Почему Пушкин выделил их, говорить можно лишь предположительно. Песни о Матрюке по сюжету близки к былинам о единоборстве, о столкновении русского богатыря с чужеземным «нахвальщиком», посрамлении этого «нахвальщика» русским богатырем (в варианте сборника К. Данилова выступает Потаня, сподвижник В. Буслаева по былинам о нем). Пушкин не мог пройти мимо факта сходства этих песен с былинами.

Кроме того, песни о Матрюке имеют героем вовсе не Ивана Грозного, а тоже русского богатыря, темой же — посрамление хвастливого черкашенина. Это также могло быть причиной особого выделения данной песни. Как отмечали исследователи не раз, Пушкина привлекала в русской песне тема удальства, бунтарства, протеста, патриотизма. Песня о Матрюке рассказывает, как Потаня, народный герой, победил и пристыдил расхваставшегося царского шурина. Все эти моменты могли привлечь внимание Пушкина и способствовать тому, что он отделил песни о Матрюке от песен об Иване Грозном.

Необходимо отметить, что Белинский рассматривал песню о Матрюке также отдельно. Характеристика тематики этой песни, данная Белинским, свидетельствует о том, что великий критик выделял ее именно по содержанию. Он писал, что песня «под названием «Матрюк Темрюкович» описывает «кулачный бой царского шурина Матрюка с двумя Московскими удальцами». Ряд выделенных курсивом строк свидетельствует о том, что Белинского в содержании песни привлекала именно тема удальства и патриотизма русских, в том числе и Грозного: «Исполать тебе

¹ К. Данилов, Древние российские стихотворения, М. 1938, № 30, стр. 193—194 М Чулков, Собрание разных песен, СПб, 1913, ч 1, № 125, стр. 125.

² М. Чулков, ч. II, № 121.

³ К. Данилов, № 5, стр. 25—31.

молодцу, что чисто борешься. А не то у меня честь в Москве, что татары-те борются, то-то честь в Москве, что русак тешит-ся»...¹

Вслед за песнями о Маштурке следуют песни о Степане Разине. Их в трех частях сборника Чулкова три: песня-плач о Разине, о неприходе Разина в казачий круг² (обе переведены Пушкиным на французский язык), о том, как стружок Разина вмерз в лед моря³. Песня об убийстве разинцами астраханского воеводы есть в III части «Собрания русских простых песен» Трутовского и в сборнике Кашина 1834 года⁴. Пушкин сам записывал песню о сыне Разина. Таким образом, поэту были известны все основные сюжеты исторических песен о народном герое. Знал он легенды и предания о нем и на их материале создал три свои оригинальные произведения. Много песен о Разине поэт мог слышать в казацких станицах на Дону, которые он проезжал с Раевскими в 1820 г., когда они были охвачены восстанием и когда, надо думать, память о Разине в народе вспыхнула с новой силой⁵.

Песни о Разине привлекали Пушкина, ненавидевшего самодержавие, рабство, Пушкина—друга декабристов, певца свободы. Они увлекали именно пафосом социального, классового протеста.

Народные песни о Разине и разинском движении — свидетельство силы народного гнева, голос крестьянской и казачьей гольтбы, которая на себе испытывала всю тяжесть крепостного права. Эти песни отражают основное содержание народного движения — его революционно-освободительный характер, классовую направленность. Они проникнуты глубоким сочувствием к движению Разина: образ вождя движения дан романтически, как образ сильного, непобедимого героя. Вместе с этим образ Разина глубоко реалистичен: он связан с массой, ненавидит казачью старшину. Известно, что И. В. Сталин видел в выступлениях Разина и Пугачева «отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»⁶.

Пушкин считал Разина самым поэтическим лицом русской истории. Поэт хорошо определил социальную сущность крестьянского движения. В «Заметках к «Истории Пугачева» он писал: «Весь черный народ был за Пугачева... Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды были слишком противоположны»

¹ В. Г. Белинский, Древняя российская стихотворения, собранные Кириешю Даниловым, Полное собрание сочинений в 12 томах, под редакцией и с примечаниями С. А. Венгера, т. VI, СПб, 1903, стр. 467

² Чулков, I, № 134 и № 137

³ Чулков, III, № 95

⁴ Киреевский, вып. VII

⁵ А. Линин, Пушкин на Дону, Ростиздат, 1941 г.

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112

Классовая сущность разинского движения получила отражение еще в записках Стрейса: «За дело, братцы! Ныне отомстите тигранам, которые до сих пор держали вас в неволе, хуже, чем турки или язычники», — так обращался Разин к народу¹.

Пушкин внимательно изучал фольклор, посвященный народным движениям, руководимым Разиным и Пугачевым. Он не мог не видеть в песнях о Разине их основной идеи — идеи борьбы с угнетателями. Уже самым фактом хранения песен о Разине, запрещаемых правительством, народ выражал протест против угнетения. Пушкин написал несколько песен о Разине и впервые в истории науки включил такие песни в цикл исторических. Тем самым поэт как бы протестовал против запрещения имени Разина и предания его анафеме, против квалификации вождя народного движения как бунтаря, как разбойника. Он считал Разина, как и Пугачева, историческим деятелем национального масштаба. И в этом отношении кругозор Пушкина-историка был шире кругозора его современников. Вплоть до Октябрьской социалистической революции песни о Разине не относились к историческим. Во времена Пушкина И. П. Сахаров считал их «удальными», В. Миллер называл их «казачьими-эпическими», а М. Сперанский — «казачьими-разбойничьими»².

Далее в плане Пушкина следуют песни петровской эпохи. Из них он выделил ряд циклов: песни стрелецкие (у Пушкина — о Цыклере), песни о Петре I, о Шереметеве и о Меншикове.

Выделение именно этих циклов чрезвычайно показательное поэт отметил развитие песни от стрелецких песен, еще полных былинных реминисценций, до боевых солдатских.

Стрелецкие песни Пушкин ошибочно считал произведениями о Цыклере. Таких песен мы не знаем, и едва ли они когда-нибудь существовали. Известные стрелецкие песни связаны не с разговором Цыклера и Ф. М. Пушкина, а со стрелецким восстанием конца 80-х гг. XVII в. Именно к этому событию относят все исследователи песни о расправе Петра I со стрельцами, — произведения, отражавшие событие, грандиозное по масштабам розысков и казней. Основное содержание этих песен — сознание стрельцами вины перед царем. В. И. Стражев³ их справедливо назвал «лебединой», самопогребальной песней умирающего вой-

¹ История СССР, под ред. акад. Б. Д. Грекова, Издание 2-е, 1947, ч. 1, стр. 464.

² М. К. Азадовский считает, что не Пушкин, а лишь Белинский впервые отнес разинские песни к историческим. В статье «Белинский и русская народная поэзия» он писал, что Белинский «прекрасно понял историческое и общественное значение казацкого и солдатского циклов и настаивал на необходимости включать в разряд исторических песни о Ермаке и о Разине, как это и было принято позже составителями всех сборников и исследователями народной поэзии», «Литературное наследство», 1948, т. 55, стр. 139.

³ Петр Великий в народном предании, «Этнографическое обозрение», 1902, III, стр. 101.

ска Заговор же Цыклера — это заговор в высоком служебном кругу, в чиновной и родовитой среде, в нем превалировали «чисто личные мотивы раздражения против царя — это неудачи в карьерах, неудовлетворенное честолюбие, обманутые надежды, тягостные служебные назначения»¹. Такой заговор едва ли мог найти отражение в народных песнях².

Пушкинский план статьи в части, относящейся к исторической песне, отражает интерес автора к поэтике народного творчества. Перечисленные в плане циклы исторических песен выявляют изменение их, ступени этого изменения, ломку жанра исторической песни, наметившуюся еще в петровскую эпоху, когда в старую песню, еще в значительной мере живущую былинной традицией, вторглась свежая струя бурного петровского времени.

Стрелецкие песни представляют причудливое сочетание былинных элементов с новыми мотив прихода к царю «стрелецкого атаманушки» с повинною, с топором и плахую, идет из песен о Ермаке Тимофеевиче, стрелецкий атаман обрисован в стиле былинного богатыря, сам царь Петр выходит в чулочках без чоботов, калены стрелы и тугой лук в этих песнях стоят рядом с новым вооружением свинцом, порохом и саблей, в советчиках царя рядом с боярами — сенаторы и фельдмаршалы; и в стиле эпические элементы чередуются с лирическими эпический атаманушка, былинный богатырь — и масса стрельцов, от имени которых поются песни, характерные лирические зачины, плачущие члены семьи стрельцов придают песням много лиризма и драматизма.

Такие песни слагались в народной среде, может быть, бытовой, домашней. Они окрашены личным настроением, овеяны грустью, порой омыты слезами женщин; иногда имеют лирический зачин. Все это, да еще непопулярность стрелецкого войска, способствовало утрате элементов историзма в песнях, отдельных моментов и без того не развернутого сюжета и, наконец, в некоторых песнях — коренному изменению мотивировки заключения и казни: красная девица доводит молодца до гибели. Так песни, утрачивая элементы историзма, превращались в лирические.

Следующие по плану Пушкина циклы песен отражают дальнейшее изменение исторической песни, нарастание в ней элементов лиризма, т. е. еще больший отход от былой эпичности. Герой песни уже неизменно массовый (солдаты — в песнях о Петре, Шереметеве), много лиризма. Пушкин не мог не заметить своеобразие военных исторических песен петровской эпохи.

Это своеобразие обуславливалось переходным характером песни, отразившим ломку, идущую в самой действительности

---

¹ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, 1940, 1, стр. 387.

² Заговор Цыклера мог привлечь внимание Пушкина потому что в нем участвовал его предок Ф. М. Пушкин, казненный Петром.

Новые явления жизни, новый герой, новая лексика вошли в петровскую песню: это герой-солдаты, их чувствования, новое вооружение и снаряжение. Рядом со всем этим в петровских песнях присутствуют традиционные фольклорные образы, былинные преувеличения, отрицательные параллелизмы и т. д. Обрисовка образа Петра в песнях его эпохи особенно ярко свидетельствует об изменении структуры песен, что, собственно, и нашло отражение в плане Пушкина. Этот образ не статичен. Он эволюционирует от эпического царя-батюшки, в чулочках, без чоботов, не отделимого от своих советников-бояр, разговаривающего с Красного Крыльца (в стрелецких песнях), от сказочного лица, берущего Азов многовековой и многонациональной хитростью с переодеваниями (в песнях о взятии Азова) до полковника, бомбардира Преображенского (в песнях о Северной войне). Вообще, если следовать от песен о рождении «первого императора» к стрелецким, затем к песням об азовских и донских делах и к песням о Северной войне, то легко пронаблюдать не только как менялся, конкретизируясь, образ Петра I, но и как менялись стиль песен, лексика их, вся образная система. Изменения обусловливались самой действительностью, изменением сознания и быта народа. Народ усваивал новые формы жизни, втягивался в события государственного значения, но в то же время еще не вполне отрешился от старого.

В чисто военных песнях петровской эпохи (о Северной войне) и в песнях о смерти Петра I — преимущественно новый герой и новое вооружение. Былинные традиции в них исчерпываются эпическим оформлением битв (с помощью отрицательных параллелизмов), преувеличением силы неприятеля (неизменно — 40 тысяч, а с самим королем — «сметы нету»).

Быстро развивающиеся события заставляли народ рассказывать о новом еще в значительной мере в традиционных выражениях, новое содержание вкладывать в старую форму. Петровские песни — яркое свидетельство того, что «существующая форма никогда полностью не соответствует существующему содержанию: первая отстает от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт»¹. Это замечание И. В. Сталина о соотношении формы и содержания в применении к художественному производству подтверждается всем дальнейшим развитием исторической песни.

В отношении солдатских исторических песен петровской эпохи невозможно говорить о соответствии формы содержанию. Невозможно говорить о единстве формы и для всех петровских песен внутри цикла. Она еще не отшлифовалась, не выкристаллизовалась. Среди них есть песни, близкие к былинам по форме и мо-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 328—329

тивам или к песням об Иване Грозном. Но новый герой, новый язык, иное идейное наполнение тематики устного поэтического творчества свидетельствуют о формировании в петровскую эпоху новой группы песен — солдатских исторических. В дальнейшем развитие песни пойдет двумя путями: в сторону чисто лирической солдатской песни, элементы которой сильны в военных песнях петровской эпохи, и в сторону исторических военных песен последующих эпох, со все более уточняющейся датой и местом события (в петровской песне они точнее, чем в песнях о Грозном), увеличением маршевого темпа в ритмике, все большим отходом от былой эпичности. Оформление песни меняется: оно приближается к литературному. Пушкин не мог пройти мимо изменений содержания и формы народной песни этой поры.

Со стрелецкими песнями Пушкин был знаком по сборнику Чулкова¹. В этом же сборнике много песен о Петре², Шереметеве³.

Кирша Данилов дает две песни петровской эпохи⁴. Песня о Меншикове⁵ могла привлечь Пушкина той идеей протеста, которую она содержит. Не случайно Пушкин перевел ее для Леве-Веймара вместе с песнями о Разине и безымянными молодецкими.

Из исторических песен Пушкин выделил казачьи песни. В XVIII в. старая историческая песня прекращает свое развитие. В эпоху Петра I начинает складываться новая разновидность ее — песня военно-историческая. В плане Пушкина отражена эта трансформация исторической песни с эпохи Петра I. В казачьей же среде историческая песня сохранялась еще во всей своей архаике и в оформлении, и в поэтических образах Тихого Дона, вешего коня и пр. Казачья песня характеризуется «ясными связями со старой песенной традицией»⁶.

Песни про Фермора и Суворова знаменуют еще больший отход от былой эпичности. В сборнике Чулкова есть только одна песня о Ферморе⁷. Но, надо полагать, Пушкин знал их гораздо больше. По свидетельству Бессонова, песни о Ферморе распространились широко и печатались в других песенниках⁸. И песни о Суворове Пушкину, видимо, были известны из этих «других песенников». Упомянутый выше сборник издания 1820 г. широко представляет военную песню, она значительно преобладает в нем над старой исторической песней.

¹ Чулков, I, № 170; II, №№ №129, 130, 133

² Там же, №№ 121, 122, 165; II, №№ 123, 137, 141; III, № 75; IV, № 57.

³ Чулков, I, № 123; II, № 124; III, № 75

⁴ К. Данилов, № 32 и № 41.

⁵ Чулков, I, № 126; II, № 131.

⁶ Б. Н. Путилов, Исторические песни XVI—XIX вв. на Тереке. Изв. Грозненского института и музея краеведения, 1950, вып. 2—3, стр. 72.

⁷ Чулков, II, № 136.

⁸ Киреевский, Песни, Вып. IX, стр. 107.

Боевые военные песни (позднейшие) есть и у Чулкова¹. Эти песни отличаются еще более значительным влиянием литературной поэзии (фонетическая рифма, силлаботонический ритм). Их нередко называют маршами, так как они по своим ритмическим особенностям использовались в строю, на марше и переходах. Например

Но Суворов генерал
Тогда не спал и не дремал,
Свое войско учреждал,
Турок больше поджидал

Турки вскоре накопились
Во предместия набились
Тут Суворов выступает,
Всю опасность презирает²

В песнях о Суворове по сравнению со всеми предыдущими особенно сильно сказалось литературное влияние в рифме и ритмике («Новейшее влияние» — по плану Пушкина). Пушкин указывает один из путей этого влияния литературы на народную песню — Сумароков. В любовных и «солдатских» песнях Сумарокова сказались воздействие фольклора. Некоторые его песни, вероятно, входили в репертуар солдатских хоров: «О разумный храбрый Панин граф», «О ты крепкий, крепкий Бендер-град»³. Солдатские хоры — один из источников сборника Чулкова А. В. Марков указывает на ряд песен этого сборника, которые скорее сочинены офицерами или грамотными гренадерами; он пишет, что «некоторые стихотворения Чулковского песенника любопытны тем, что показывают влияние поэзии XVIII в. на позднейшую народную песню. Влияние проявляется в стихосложении, в отдельных выражениях»⁴. Надо думать, что чуткий к форме Пушкин, знакомый с песенниками Чулкова и Новикова, уловил это влияние и отразил его в плане

Таким образом, пушкинский план статьи о русских песнях отражает развитие, изменение исторической песни на протяжении XVI—XVIII вв. Очевидно, Пушкин, в связи с «новейшим литературным влиянием» на народную песню, упомянул бы в предполагаемой статье и песни об Отечественной войне 1812 г., которые, судя хотя бы по сборнику 1820 г., могли быть известны поэту. Во всяком случае, с песнями о Суворове Пушкин познакомился из каких-то других источников (в сборнике Чулкова их нет), и надо полагать, эти источники представляют собою нечто близкое к сборнику 1820 г.

Пушкинский план отражает важнейшие этапы русской истории, нашедшие выражение в народной песне. Пушкина-историка

¹ Чулков, IV № 59, 129 (по IV ч песенника Новикова)

² Новыи полный всеобщий песенник СПб 1820, № 175, стр 182—183

³ Чулков, III, № 71.

⁴ Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен, Известия ОРЯС АН, 1917, т XXII, кн 2, стр 120

не мог не привлекать вопрос о том, как история отразилась в песне, какую именно трактовку, оценку народа получило то или иное событие, тот или другой исторический деятель, в каком отношении эта оценка стояла к официальной историографии. План свидетельствует о повышенном интересе поэта к героическим моментам русской истории, о его высоком патриотизме и интересе к народным вождям.

Эти темы и интересы нашли отражение и в его художественном творчестве. Пушкин-поэт, прозаик, драматург. Пушкин-историк, теоретик и критик литературы, Пушкин-фольклорист составлял неразрывное целое.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Том XXXIII

ВЫПУСК ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953